

Поворот в государственно-церковных отношениях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как следствие трансформации идеологических ориентиров в СССР

Елисеев Алексей Борисович,

Минский филиал Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова (г. Минск, Беларусь)

Анализируется принятая в историографии точка зрения, согласно которой причины резкого поворота в политике Советского государства в отношении Русской Православной церкви, произошедшего в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., были обусловлены трансформацией идеологических ориентиров в СССР, реанимацией русских национальных и религиозных традиций, стремлением вписать их в жизнь советского общества.

Религия рассматривается как один из важнейших компонентов этнокультурной идентичности. Для «русской» идентичности этим компонентом на протяжении столетий являлось православие, Русская Православная церковь всегда играла в России особую роль. Совершенно иначе дело обстояло с «советской» идентичностью. Религии не находилось места в обществе, стоящем коммунизм, а Русская Православная церковь рассматривалась как реакционная организация. Однако на двадцать шестом году советской власти в отношении государства к православию и Русской Православной церкви произошёл резкий поворот. 4 сентября 1943 г. И.В. Сталин удостоил личной аудиенции высших иерархов Православной церкви, ещё через четыре дня один из участников встречи – митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) – был избран Патриархом Московским и всея Руси.

Одни исследователи связывают этот поворот с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., активной патристической позицией, занятой церковью [1; 2; 3]. Другие отводят решающее значение в этом процессе трансформации идеологических ориентиров в СССР, реанимации русских национальных, в том числе религиозных, традиций, стремлению вписать их в жизнь советского общества, «державности» позднего сталинизма. Остановимся подробнее на этой точке зрения.

Ещё в конце 1980-х гг. было предложено искать причины отказа государства на уничтожение православной церкви в эволюции советского общества и идеологии. По мнению Д.Е. Фурмана, Октябрьская революция 1917 г. породила грандиозные «эсхатологические» ожидания народа, поверившего в то, что она приведет к «земному раю». Однако построенная модель была далека от земного рая. Разрыв между ожиданиями, связанными с социализмом, и его реальностью, потребовал поиска новых идеологических ориентиров. Такие ориентиры были найдены в

русском национализме и культуре государственности, которые особенно усилились в годы Великой Отечественной войны. «Эсхатология» все меньше срабатывала в отношении народа, но она перестала быть нужной и господствующему слою, заинтересованному в собственной стабилизации. И, наконец, физическая гибель людей, искренне и глубоко веривших в марксизм, привела к выдвиганию многих представителей той части старой интеллигенции, которая увидела в сталинском режиме продолжение самодержавия, возвращение к норме после революционной смуты. Все это вместе взятое и привело к резкому изменению положения религии и, прежде всего, – православия: «В новой идеологической ситуации церковь становится символом преемственности сталинского режима от старой России... и дополнительным источником сталинской легитимации» [4, с. 11–12]. При этом улучшение положения Православной церкви не имело никакого отношения к отделению церкви от государства, наоборот, государственный контроль над ней стал практически абсолютным, и церковь вновь стала «придатком», только на этот раз не старого, православного, а нового, атеистического самодержавия [4, с. 12].

Н.А. Нарочницкая в книге «Россия и русские в мировой истории» подчеркнула, что идеология большевиков в области государственного строительства основывалась на тотальном отрицании преемственности истории, на претензии построить совершенно новый мир, и борьба этого доктринерства и реальности отразилась в истории идеи и практики СССР [5, с. 235–236]. В качестве доктринеров в этом случае выступают ортодоксальные большевики ленинско-троцкистского типа, реалистами – И.В. Сталин и его сторонники. По мнению Нарочницкой, Сталин постоянно совершал отступления от ортодоксального марксизма и политического максимализма и никак не являлся воплощением большевистской идеологии и тактики ленинского типа. Благодаря ему в СССР и произошел отход от ортодоксальной марксистской концепции, непригодной для державостроительства, и обращение к исторической памяти и традиционной внешнеполитической идеологии – защите национальных интересов [5, с. 236–238].

В свете новых идеологических ориентиров смена курса государства по отношению к Русской Православной церкви была осознанной коррекцией антицерковной стратегии «ленинской когорты большевизма» в рамках, позволяемых доктриной. Несмотря на то, что коммунистический проект на российском материале продолжался, теперь уже «материал» требовал приспособления к нему проекта [5, с. 241–242, 245]. Не только партия, но и коммунистическая идеология постепенно, особенно после 1945 г. получили «колоссальное вливание почвенного мировоззрения традиционных слоев, несмотря на сохранение официальной догматики» [5, с. 245].

Американский историк М. Левин в книге «Советский век» пишет, что после окончания войны Сталин находился в поиске доктрины, которая помогла бы ему полностью порвать со своим политическим прошлым, стала бы его историческим алиби и представила его режим исторически закономерным. И война набросала контуры такой доктрины: «... Предполагалось возместить прошлому идеологический долг и резко повернуть в сторону националистической великодержавности наподобие самодержавия, вернув к жизни его атрибуты» [6, с. 253]. Канадский историк Д.В. Поспеловский считал, что уже с 1920-х гг. Советский Союз «волевым путем» постепенно превращался в государство своеобразного *национального коммунизма*, хотя сознательно поворот к нему произошел лишь во второй половине 1930-х гг. [7, с. 380–381]. Появление «советского коммунистического

национализма» стало неизбежным в результате несостоятельности прогнозов о мировой революции и провала экспорта революционного, то есть реально-интернационального коммунизма [7, с. 381, 431, 447]. Своего апогея «национальный коммунизм» достиг после Великой Отечественной войны и стал, по мнению Поспеловского, характерным явлением всех послевоенных коммунистических режимов – от Югославии до Китая, Кубы и коммунистических режимов Африки [7, с. 381, 447–526]. Неслучайно и страны Восточной Европы, приступившие после войны к строительству социализма по советскому образцу, по этому же образцу стали копировать и государственно-церковные отношения.

Литература

1. *Якунин, В.Н.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография и источниковедение проблемы / В.Н. Якунин. – Самара, 2002.
2. *Якунин, В.Н.* Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны / В.Н. Якунин // Московский журнал. История государства Российского. – 1995. – № 1. – С. 14–21.
3. *Якунин, В.Н.* Внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В.Н. Якунин // Вестник Самарского государственного университета. – 2003. – № 1(27). – С. 43–51.
4. *Фурман, Д.Е.* Религия, атеизм, перестройка / Д.Е. Фурман // На пути к свободе совести / Д.Е. Фурман. – М. : Прогресс, 1989. – С. 7–18.
5. *Нарочницкая, Н.А.* Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. – М. : Международные отношения, 2003. – 536 с.
6. *Левин, М.* Советский век / М. Левин. – М. : Европа, 2008. – 680 с.
7. *Поспеловский, Д.В.* Тоталитаризм и вероисповедание / Д.В. Поспеловский. – М. : Библиейско-Богословский ин-т Св. Апостола Андрея, 2003. – 655 с.